

**Ветхозаветное пророчество как объект культурной (социальной)
антропологии: методологические недостатки подхода**

Научный руководитель – Вевюрко Илья Илья

Гасымов Арсений Бахрусович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский
факультет, Кафедра философии религии и религиоведения, Москва, Россия

E-mail: arseniy-gas@mail.ru

Исследования ветхозаветного пророчества как религиозно-культурного феномена древнееврейского общества начали активно развиваться во второй половине XX века. Возникновению новых подходов и методов изучения библейских текстов способствовали: 1) кризис историко-критической парадигмы исследования [2]; 2) накопление новых свидетельств (как археологических данных, так и письменных) [4]; 3) развитие смежных дисциплин и др. И, в частности, влияние антропологических подходов к религии (структурализм К. Леви-Стросса, символично-интерпретативный подход К. Гирца и др.) способствовало исследованию религиозных явлений с этой перспективы. В рамках подхода социальной (культурной) антропологии к ветхозаветному феномену разрабатывались следующие направления: 1) исследование пророчества как социального феномена (роли и функции пророков в социальной структуре древнееврейского общества) [5, 7]; 2) изучение ритуальных и символических действий в пророческом служении [6]; 3) сравнительный подход (сопоставление древнееврейских пророческих фигур со схожими функционерами (шаманы, медиумы, знахари) из других культур) [1, 5, 7]. Методологические проблемы антропологического подхода 1) Проблема источников. В рамках библейской критики предполагается, что ветхозаветные тексты – неоднократно отредактированный и переработанный материал в богословских целях поздних еврейских интеллектуалов. Тем не менее в библеистике (критика редакции) предполагается, что можно выделить слои редактирования и отобрать наиболее ранний материал [3]. Однако консенсуса по этому вопросу нет (существует согласие по датировке только ограниченного числа текстов). Таким образом, каждый исследователь выбирает собственную стратегию в отборе «аутентичного» материала для анализа и реконструкции феномена ветхозаветного пророчества. Исходя из сказанного, можно сделать вывод: материал, который отбирается для антропологического исследования, – это субъективный концепт, который не имеет прочных оснований. 2) Реконструкция исторического контекста. При анализе общественных структур древнееврейского социума возникает ряд непреодолимых препятствий: а) ограниченность библейских свидетельств (проблема источников); б) реконструкция социальных связей и ролей пророков в обществе через призму антропологических данных может указать лишь путь исследования (какие вопросы можно задавать и в каком направлении следует проводить работу), который одновременно может оказаться верным или ложным; в) недооценка общей религиозной традиции сопоставляемых феноменов (влияют ли верования на социальную стратификацию общества). 3) Редукция функций пророков. При сравнении ветхозаветных пророческих фигур с шаманами, медиумами и ближневосточными мантиками упрощаются функции пророков – сведение их роли к должности посредника (передавать божественную волю народу/царю). Таким образом, не учитывается многообразие и сложность ветхозаветного феномена (роль советника царя, оппозиционера, жреца, странствующего проповедника и т.д.). 4) Переоценка социальной критики. В ряде исследований главный акцент делается на конфликте между пророками и властью, что нивелирует другие аспекты их служений.

Во-первых, это «социальное напряжение» между прорицателями и народом/царём может быть богословской импликацией поздних редакторов. В библейском тексте прослеживаются теологические построения, которые объясняют неудачи и падение народа Израиля их грехами. И пророки в этой богословской концепции оказываются инструментом (то есть их социальная критика вписывается в объяснительные модели поздних еврейских интеллектуалов «падения иудейского царства»). Во-вторых, согласно ветхозаветным повествованиям, значительная часть пророков в своей проповеди не касалась социальных проблем общества. Проведённое исследование показало, что антропологический подход к изучению феномена ветхозаветного пророчества сопряжён с рядом методологических проблем (проблема источников, исторический контекст, методологический редукционизм и др.), которые не способствуют лучшему пониманию древнееврейского явления.

Источники и литература

- 1) Buss M. J. An Anthropological Perspective upon Prophetic Call Narratives // Anthropological perspectives on Old Testament prophecy. Semeia 21 / Ed. by B. Lang. Philadelphia: Society of Biblical Literature. 1982, Vol. 21, p. 9–30.
- 2) Deist F. E. The prophets: are we heading for a paradigm switch? // Prophet und Prophetenbuch: Festschrift für Otto Kaiser zum 65 Geburtstag / Hrsg. von V. Firtz. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 1989, Bd. 185, s. 1–18.
- 3) Krentz E. The Historical-Critical Method. Philadelphia: Fortress Press. 1977.
- 4) Nissinen M. Ancient prophecy: Near Eastern, Biblical, and Greek perspectives. Oxford: Oxford University Press. 2017.
- 5) Petersen D. The roles of Israel's prophets. Sheffield: JSOT Press. 1981.
- 6) Rentería T. H. The Elia/Elisha Stories: A Socio-cultural Analysis of Prophets and People in Ninth-Century BCE Israel // Elijah and Elisha in socioliterary perspective / Ed. by R. B. Coote. Atlanta: Scholars Press. 1992. p. 75–126.
- 7) Wilson R.R. Prophecy and society in ancient Israel. Philadelphia: Fortress Press. 1980.